

Армас Мишин
Петрозаводск

**«Калевала» Элиаса Леннрота:
от фольклорной поэзии к литературной поэме**

Как Леннрот пришел к названию поэмы

Слово «Калевала» впервые зазвучало в финляндской литературе в 1835 г. В самой народной поэзии карелов и финнов оно встречалось редко. Элиас Леннрот, создавший эпическую поэму под таким названием из многожанрового фольклорного материала, услышал слово в лиро-эпической песне «Проданная дева», записанной им в деревне Вуоккиниemi (Вокнаволок) в Беломорской Карелии в 1834 г. Слово повторялось в песне неоднократно вместе с именем Калева:

Побывал ли в Калевале?
Девы Калевы смотрели ль
Из окошек Калевалы?..
Калевы собак слыхал ли
На дорогах Калевалы?..

Имя Калева было хорошо известно финским фольклористам и раньше, главным образом, из преданий. В словаре Кристофрида Ганандера «Финская мифология» (1789) о Калеве сказано: «Великан, опасный и сильный». Есть здесь и такие сведения: Калева — «родитель великанов, отец 12 сыновей» [Ganander 1984: 29]. Среди них назывались Хийси, Сойни, Вяйнямейнен, Илмаринен. Поскольку среди сыновей Калевы были будущие герои поэмы Вяйнямейнен и Илмаринен, сам Калева вполне мог стать одним из главных персонажей леннротовской «Калевалы». Тем более что в те же дни, когда Леннрот писал предисловие к версии «Калевалы» 1835 г., он сочинял поэму «Рождение Суоми» (Suomen synty), в которой рассказал о том, как

мифологический Калева с сыновьями двигался с востока на запад, к Неве и Ладогe, а потом и дальше на северо-запад, преследуемый врагами, и как, наконец, нашел землю обетованную с ее скалами и озерами и песней кукушки, напоминающей ему о потерянной родине. Он-то и подарил этой земле имя Суоми (от слова *suoda* – дать, даровать). Однако Леннрот отказался от этой возможной версии сюжета. Она бы усложнила и значительно удлинила сюжет и, кроме того, изменила бы в сторону реальной, земной жизни задуманную им мифологическую картину происхождения мира. Ведь главным героем поэмы Леннрот делает Вяйнямейнена, который по воле Леннрота рожден девой воздуха Илматар. Иными словами, у него есть мать, но нет отца. Илматар – образ, удачно придуманный Леннротом, – позволяет ему усилить мифологическую основу литературного эпоса, постоянно напоминая о том, что персонажи, будучи реально существующими, земными людьми, так или иначе связаны с ней и с другими языческими божествами и богами.

Вместе с тем Леннрот не отказывается от использования в поэме имени Калева. Оно встречается в ней в разных словосочетаниях: «колодец Калевы», «народ Калевы», «род Калевы», «мужи Калевы», «женщины Калевы», «рифы Калевы», «пожог Калевы».

Засевать принялся землю,
Рассыпать зерно на поле
Рядом с Калевы колодцем...
Неужель убил ты Вяйно,
Калевы большого сына?
Ой, ты, Укко, бог верховный,
Калевы народ повергни...

По второму приведенному здесь примеру даже получается, что Калева, как это и есть в народных преданиях, – отец Вяйнямейнена. Поэтому и не удивительно, что Леннрот назвал страну, в которой живут эпические герои, «Калевалой», противопоставив ее Похьеле. Если иметь в виду, что Калева – герой также и эстонского фольклора, будет понятна значимость такого решения. Любопытна и попытка Леннрота вникнуть в этимологию слова. Он, изучавший русский язык, предполагал, что оно произошло от русского слова «голова» (глава рода). Единственно правильным и удачным стал и выбор слова «Калевала» для названия поэмы. Напомним, что были варианты: «Вяйнямейнен, Илмаринен, Лемминкяйнен», «Финская мифология, изло-

женная древними стихами», «Кантеле Вьяйнямейнена», «Вяйнола», «Вяйнола и Похьела». Название «Калевала» близко названиям гомеровских поэм «Илиада», «Одиссея». Во-первых, и здесь одно слово, во-вторых, есть и в нем нечто собирательное. А ведь Леннрот буквально состязался с мифическим Гомером в ведении сюжета, в изображении отношений между богами и людьми, в количестве глав-песней (48 в поэмах Гомера, 50 в «Калевале»).

Название «Калевала» было столь удачным, что оно и само по себе, несомненно, вдохновляло Леннрота в работе и вело его по карельским и финским деревням в поисках народных песен, а потом диктовало и версию «Калевалы» 1849 г.

От диалектов к финскому литературному языку

До недавнего времени «Калевала» выходила в нашей стране с подзаголовком «собрал и обработал Элиас Леннрот». Но, во-первых, фольклорные песни собирал не один Элиас Леннрот. Создавая «Калевалу», Леннрот использовал материал и других фольклористов (К. Готтлунда, С. Топелиуса, Д. Эвропеуса, А. Алквиста и др.). Во-вторых, когда говорят «собрал и обработал», можно подумать, что Леннрот собрал и обработал существовавшую в природе «Калевалу». Однако сам Леннрот писал, что у него к 1849 г. материала набралось на семь разных «Калевал» [Lönnrot 1990: 291]. Уже с первых шагов он убедился в том, что поэму надо было не собирать, а создавать.

Первым подступом к поэме был сборник песен «Кантеле» (1829–1931). Отличался он от всех фольклорных сборников того времени тем, что народная поэзия предстала в нем в ином обличье, в форме леннротовских версий песен. По сути все они компоновались из разных вариантов одной песни или даже фрагментов разных песен. Такого рода практика публикации народной поэзии финской фольклористикой была отвергнута как ненаучная. Леннрот же поступал так, как ему подсказывала творческая интуиция. Кроме того, работая над материалом, он стремился к тому, чтобы песенный язык становился понятным представителям всех диалектов финского языка. Ведь несмотря на то, что финноязычные тексты (религиозные, переводные произведения, фольклорные записи, некоторые литературные опыты) публиковались со времен основоположника финской книжности Микаэля Агриколы, т. е. с XVI в., общего литературного языка так и не существовало. Язык складывался пока

только на основе западных диалектов. Восточные диалекты оставались в стороне от этого процесса. Именно Леннроту принадлежит честь на практике стать одним из самых активных пропагандистов общего доступного всем финнам языка. Неустанно собирая народные песни и публикуя их в своих обработках, версиях, он пополнял складывавшийся на основе западного синтаксиса литературный язык народными словами из восточных диалектов. Процесс создания «Калевалы» Элиасом Леннротом совпадает с началом формирования финского литературного языка, связанного с подъемом финского национального самосознания после присоединения Финляндии к России в 1809 г., избавления страны Суоми от шведского владычества. Однако процесс был длительным.

Что как не наличие художественной литературы является одним из главных условий и стимулов создания общего языка? Сборники народной поэзии выходили и до Леннрота. Их издавали К. Готтлунд и С. Топелиус-старший. Но они не становились предметом общего читательского внимания, тем более что литература-то в Финляндии развивалась на шведском языке. Финны нуждались в произведениях о героическом прошлом и прекрасном грядущем своей страны на родном языке. О том, что такое прошлое могло быть, говорили народные песни. Мысль о возможности формирования упорядоченной целостности из богатейшего материала народной поэзии высказывали К. Готтлунд [Kaukonen 1979: 16] и один из друзей Леннрота К. Кеккман, первый – в 1817, второй – в 1825 гг. Человеком, который осуществил эту мечту, но совсем не так, как предполагали фольклористы, и стал сын портного из местечка Саммати на юго-западе Финляндии Элиас Леннрот (1802–1884).

Составитель или творец?

Леннрот имел незаурядный поэтический талант. Увлекаясь народной поэзией, он сочинил в студенческие годы на фольклорной основе балладу «Гибель Элины». Он перевел фрагменты гомеровских поэм, тем самым ввел в обиход финской поэзии гекзаметр. В газете «Або Ундерреттельсер» в 1824 г. Леннрот опубликовал свой прекрасный перевод на шведский язык стихотворения «Гавань» (Hamnen) Николая Карамзина. Позднее он станет одним из лучших переводчиков на финский язык и автором псалмов, многие из которых поются и сегодня. Обычно эту важную, творческую сторону деятельности Элиаса

Леннрота, врача и фольклориста по профессии, лингвиста, историка, ботаника по призванию, отмечают лишь походя. Между тем, именно поэтический талант был необходим «составителю» «Калевалы». Когда сравниваешь «Калевалу» с народной поэзией, а также все пять ее версий, созданных с 1833 г. по 1862 г. и являющихся одновременно пятью стадиями леннротовской работы, видишь воочию блестящие проявления этого таланта. Когда убеждаешься в этом, понимаешь, что слово «составитель» никак не соответствует действительности. Финский ученый Вяйно Кауконен, сравнивавший народную поэзию и «Калевалу» многие десятилетия, пользовался в своих исследованиях словом «создатель» (luoja) наряду со словом «автор». Кажется, оно становится общепринятым.

Процесс создания «Калевалы» связан с накапливающимся фольклорным материалом. После встреч с рунопевцами Юханом Кайнулайненом (Финляндия), Саавой Трохкимайненом, Онтреем Малиненом и Ваассилой Киелевяйненом (российская Карелия) Леннрот в 1833 г. создает две одногеройных поэмы («Лемминкяйнен», «Вяйнямейнен») и поэму-свод «Песни свадебных гостей», где рассказывает о процессе свадьбы. Материал этого свода Леннрот использует в средней части поэмы «Калевала», повествующей о свадьбе Илмаринена и дочери хозяйки Похьелы. Эти небольшие поэмы были своего рода набросками к будущей большой поэме. Они так и остались в рукописях. Хотя Леннрот подумывал еще о двух поэмах «Илмаринен» и «Кавкомьели», он оставил намерения «составлять» поэмы, в которых действовал бы один главный герой.

С первых встреч с народными певцами (рунопевцами), сперва в финляндской Карелии, а потом и в российской, с первоначальных опытов создания небольших поэм в 1833 г. Леннроту многое открылось в самой эпической поэзии финнов и карелов. Вот что он писал позднее в предисловии к версии «Калевалы» 1849 г.: «Не только последовательностью исполнения, но и упоминаемыми в них собственными именами различаются руны, собранные от разных певцов в разных местах. О Вяйнямейнене один певец поет то, что другой певец поет об Илмаринене, а третий — о Лемминкяйнене. О Лемминкяйнене же первый певец поет то, что другой — о Куллерво или Еукахайнене. Вместо Куллерво, везущего дань... у других певцов при тех же обстоятельствах упоминаются Туйретуйнен, Тууриккинен, Лемминкяйнен или старый сын Вяйне» [«Калевала»: 1985, 31]. Из этого видно, что для рунопевцев главное — деяния, а не имена их

совершающих. Перед Элиасом Леннротом стояла задача отбора деяний, которые были бы наиболее характерны для конкретных персонажей и позволяли бы им действовать и взаимодействовать в пределах их собственных, разработанных Леннротом, «биографий» и характеров. Творцу «Калевалы» надо было решать, с кем, например, едет старый рунопевец Вяйнямейнен в Похьелу похищать Сампо, поскольку в народной поэзии он совершает это путешествие то с Йомпайненом (Йовкахайненом), то с Веси Лийтто, а то и с Ику Тьерой. В леннротовской «Калевале» Вяйнямейнен отправляется в Похьелу с кузнецом Илмариненом и беззаботным воинственным Лемминкяйненом. Но чтобы это произошло, нужен целый ряд событий, готовящих данную поездку. Точно так же были необходимы эпизоды, из которых видно, почему Йовкахайнен не может быть соратником Вяйнямейнена. В народных песнях о причинах тех или иных деяний зачастую не говорится вообще. Леннрот должен был думать о причинах и следствиях постоянно.

Не была напечатана при жизни Леннрота и поэма с несколькими героями, которую ученые назвали «Перво-Калевалой» (Alku-Kalevala, 1834). Леннрот назвал ее «Собранием песен о Вяйнямейнене» (Runokokous Väinämöisestä), хотя слово «собрание» здесь никак не подходит. Лучше всего подошло бы слово «повествование», так как у сочиненного текста уже был сюжет, в котором участвовали по сути все главные персонажи будущей «Калевалы» (Вяйнямейнен, Илмаринен, Лемминкяйнен, хозяйка Похьелы Ловхи, Йовкахайнен, Куллерво). В дальнейшем Леннрот сохранит основные моменты этого сюжета. Его части Леннрот назвал «песнопениями» (laulanto). Их в «собрании» двенадцать. А количество строк в поэме — 5026. Поэма во много раз превышала не только отдельную народную песню, но и те циклы, которые иногда пелись рунопевцами. Леннрот сам отозвал поэму из печати, поскольку отправлялся в поездку к российским карелам.

«Перво-Калевала» впервые была опубликована в 1928 г. Финский ученый-эпосовед Лаури Хонко написал о ней в 1999 г. в предисловии к переизданию «Калевалы» 1835 г. так: «Повествование достигает здесь такой эпической широты и льется столь естественно, что границы между поэтическими мотивами не мешают чтению. Родившееся произведение, „Собрание песен о Вяйнямейнене“, — это маленькое чудо, поскольку переход в нем к большому эпосу осуществлен уверенной рукой» [Honko 1999: s. XVI].

Версия «Калевалы» 1835 г.

В апреле 1834 г. Леннрот совершает поездку в российскую Карелию, встречается с такими известными рунопевцами, как Мартиска Карьялайнен, Юрки Кеттунен и Архиппа Перттунен. Наибольшее количество песенных строк (4100) он записал от Перттунена, справедливо именуемого «королем рунопевцев». Его сюжеты – наиболее последовательные и цельные. Новый материал, особенно эпический, вдохновил Леннрота на продолжение работы. Но Леннрот сомневался, выполнима ли она одним человеком, имеет ли он право на нее. В минуты сомнений ему хотелось, как он сам в этом признается, бросить все в огонь. Печатание «Калевалы» тоже принесло свои трудности. Она выходила в свет долго двумя книгами в 1835–1836 гг. В продажу поступила накануне 1837 г. Тридцать экземпляров из 500 Леннрот получил в качестве гонорара.

День «Калевалы» отмечается 28 февраля. В этот день 1835 г. Леннрот скромно подписал инициалами «E. L.» предисловие к ее первому изданию. Подзаголовком к названию «Калевала» он поставил слова: «или старинные песни Карелии о древних временах финского народа». Этими словами создатель литературного эпоса сам вносил разноречивость в отношениях к ней всех, кто «Калевалой» интересовался, читал, изучал ее, поскольку она прямо отождествлялась с народной поэзией. Более того, Леннрот действительно хотел, чтобы читатели таковой ее и воспринимали, да еще, чтобы считали эти песни карельскими, рассказывающими о прошлом финского народа. Все объясняется просто. Российские карелы для Леннрота были всего лишь восточными финнами. Будучи православными, они не утратили своих языческих верований и лучше сохранили известные в Финляндии древние эпические сюжеты и заклинания, тем более что в России в отличие от шведского королевства люди, считавшиеся колдунами и ведьмами, не подвергались гонениям, как это происходило в годы шведского владычества в Финляндии.

В версии «Калевалы» 1849 г. Леннрот откажется от подзаголовка, а в предисловии к ней скажет о собственном «произволе» в отношении к материалу: «часто приходилось руководствоваться требованием единства самого повествования» [Леннрот 1985: 31], что является свидетельством осознанного стремления к созданию сюжетного произведения из фольклорного материала. Кстати, об этом же говорило не замеченное исследователями уже в конце версии «Калевалы» 1835 г.

слово «конец» (не ставится же оно в конце сборников). Да, это была поэма, а не собрание песен, механически соединенных.

Поэмой называли «Калевалу» и первые познакомившиеся с ней деятели литературы и культуры. Таковой ее считал немецкий ученый Я. Гримм. Правда, для него она была чисто народной поэмой. Шведскоязычный поэт Финляндии Л. Рунеберг, российский ученый и переводчик 29 песни «Калевалы» Я. Грот, переводчик «Калевалы» на шведский язык М. Кастрен также воспринимали ее как поэму, «собранную» Леннротом. «Родом эпической поэмы» посчитал леннротовский эпос русский критик В. Белинский. Но ведь никто из них «Калевалу» с народной поэзией, с записями самого Леннрота (все они сдавались в архивы и были открыты в 1874 г.) не мог сравнить, кроме, пожалуй, Кастрена, который и сам собирал народные песни. Однако именно он утверждал, что во всей «Калевале» нет ни одной строки, сочиненной Леннротом, имея в виду народность эпоса. Конечно, такие строки были. Но подсчет самих строк, как мы узнаем далее, мало что говорит о «Калевале». Чуть ли не все, писавшие о «Калевале» 1835 г., сходились на том, что Леннротом открыто величайшее произведение, которым финны могут гордиться. «...финская литература в данной поэме получила сокровище, которое... сравнимо с обеими с самыми прекрасными мастерскими эпическими поэмами греческого искусства» [Kaukonen 1979: 88] — писал Рунеберг.

Яростной критике подверг леннротовскую «Калевалу» 1835 г. Готтлунд, который и подал в свое время идею составления из народных песен единого текста. Для него она была неудачной. Беспощадная критика Готтлунда, вызванная частично завистью к леннротовской столь неожиданной известности, имела и причины объективные. Готтлунд увидел, что Леннрот отступал от народной поэзии, что у него получилось не «соединение» народного материала, а «смешение» разных, порой прямо противоположных материалов [Anttila 1931: 243]. И в самом деле, Леннрот совершал то, что в народной поэзии не практиковалось. Эпика и лирика в ней развивались порознь. У заклинаний были свои функции. Леннрот же извлекал для своей «Калевалы» строки из всех жанров, в том числе и строки профессиональной поэзии, использовал пословицы и поговорки и даже придумывал их. Готтлунд оказался более компетентным в вопросе творческих тайн Элиаса Леннрота, чем многие другие. Но он критиковал «Калевалу» с точки зрения фольклориста, не желая видеть того, что впервые в зарождающейся финляндской литературе появилось

масштабное художественное произведение, выращенное на родной почве народной поэзии Леннротом, человеком девятнадцатого века, любящим свое отечество, болеющим проблемами общества. Его современники, читая «Калевалу», могли сказать словами председателя Общества финской литературы Ю. Линсена, что у Финляндии «есть своя история» и что сама «отечественная литература только теперь встала из колыбели» [Krohn 1999: 497].

Ставшая самым значимым произведением финской литературы «Калевала» далеко не сразу стала всеми читаемой. Финскую грамоту знали немногие. В книжных магазинах «Калевала» расходилась целых десять лет. Известность в Европе, да и в самой Финляндии, она приобрела благодаря шведскому переводу М. Кастрена.

«Калевала» 1849 г.

Четырнадцать лет, которые прошли между двумя изданиями «Калевалы», — это годы самой активной деятельности Элиаса Леннрота в разных областях науки, культуры и просвещения. Он занимается издательской деятельностью (редактирует журнал «Мехиляйнен» и «Оулуский еженедельник»), участвует в написании «Истории России» и «Истории Финляндии», готовит сборники пословиц и загадок, работает над словарями и справочниками, такими как «Флора Финляндии», «Юридический справочник». Главный его труд этих лет — сборник «Кантелетар», который также состоит из леннротовских версий народных лирических песен и баллад. Строки из этой книги он будет брать в диалоги и монологи героев новой версии «Калевалы». Не оставляет Леннрот и собирательской работы. В свои поездки он брал «Калевалу» 1835 г. и на чистых страницах, вложенных в книгу, вписывал фрагменты, строки, которые намеревался использовать в дальнейшей работе, при этом не важно, хороши они были или плохи (ведь обычно пишут, что он отбирал лучшие места). Главное в том, что они ему подсказывали как поэту в разработке сюжета, в изображении событий.

Ко времени, когда Леннрот снова вплотную сядет за работу, у него накопилось более 130 000 строк народных песен, собранных и другими фольклористами. Его ученики Д. Эвропеус и А. Альквист открыли в финляндской Карелии, как раз в тех местах, где до них побывал Леннрот, целые рунопевческие династии (Сиссонены, Хуохванайнены, Шемейкки, Бурускайнены). Как сам Леннрот признается, мате-

риала теперь у него было на целых семь «Калевал», и все они были бы разными, если бы он принялся за дело. О работе Леннрота можно сказать, что он сочинял народными строчками, поскольку небольшие фрагменты в пять-десять и более строк, взятые из песни одного конкретного рунопевца, переходя из версии в версию, обрастали новыми строчками, перемежались с ними и рассасывались в общем тексте. Уже нельзя было сказать, что и кому принадлежало. Так строки, которые приписывались в одном из позднейших предисловий к «Калевале» Архиппе Перттунену:

Подадим друг другу руки,
крепко сцепим наши пальцы,
песни лучшие исполним,
знаменитые сказанья —

изначально принадлежали Варахвонте Сиркейни из д. Ухтуа и неизвестному певцу из Соткамо (Финляндия). Но и они были отредактированы.

Фрагменты песен, взятые от конкретного рунопевца, в леннротовском тексте на каждом новом этапе уменьшаются. Двенадцать строк, заимствованных из песни Кеттунена «Приготовление пива» (поэма «Лемминкяйнен»), в «Перво-Калевале» сократились до девяти. В «Калевале» 1849 г. осталось уже только две строки. Так происходило с любым фрагментом. Перестройка строк, создание из них новых эпизодов, изменяющих сюжет, — вот выход из тупика, в который попадал Леннрот в самом начале своей работы, пытаясь соединять песни в одно повествование.

Что же позволяло поэту Элиасу Леннроту соединять порой несоединимое?

Дело в том, что, как пронаблюдал еще в 1700 г. Д. Юслениус, один из первых финских фольклористов, все строки карельских и финских эпических рун и заклинаний, а также и многих лирических песен имеют, как правило, восемь слогов (после появления леннротовской «Калевалы» такую метрику стали называть «калевалской»). Федор Глинка выполнил первые переводы на русский язык двух финских песен в 1827–1828 гг. Финский восьмисложник он перевел четырехстопным хореом, что является всего лишь одним, пусть и главным, размером строки. Эту метрику использовал при переводе «Калевалы» Л. Бельский. Им же пользовались все другие переводчики эпоса. Восьма

подвижная калевальская метрика позволила Леннроту сочинять «Калевалу» из разножанрового и разновременного материала. Готтлунд, кстати, возмущался и тем, что Леннроту было безразлично, старую он брал песню или новую.

Типы финской метрики изучал и сам Леннрот. Будучи восьмисложной финская (карельская) строка имеет очень разные метрические фигуры. По подсчетам Леннрота в его «Калевале» имеется 273 ритмообразующих модификации. На другие языки они не переводятся без ущерба для текста. В оригинале «Калевалы» они естественны и прекрасны. Происходит это потому, что финские слова имеют силовые ударения на первом слоге. Будучи разнослоговыми, они не нарушают общего звучания. Вообще на звучание текста Леннрот обращает постоянное внимание. Это побуждает его изменять, переделывать строки, богато аллитерировать их по образцу народных строк. Известно, что в «Калевале» только 33% строк оставлены в том виде, в каком они встречаются в оригинале. Остальные 67% строк звучат по-новому и часто именно потому, что Леннрот любил писать звуками.

Большого искусства добивается Леннрот в применении параллелизма (прием, при котором в последующей строке или строках передается другими словами то, что сказано в первой строке или повторяется та же словесно-синтаксическая структура). Приведем лишь один пример:

Полыхнул огонь из горна,
ярким пламенем взметнулся,
то под окнами промчится,
пронесется возле стенки,
то ворвется вихрем в избу,
заклоочет водопадом,
к потолку рванется с пола,
от окна к окну промчится.

Работая над «Калевалой» версии 1849 г., Леннрот обрел ту свободу, которой ему не хватало до этого. Во-первых, огромным был обретенный им фольклорный материал, во-вторых, встречи с разными рунопевцами показали, что и сами народные певцы в разных обстоятельствах и в разные годы пели по-разному, зачастую они талантливо импровизировали, как это делал, например, Мартиска Карьялайнен из севернокарельской д. Лонка.

И, конечно, Леннрот усиливает сюжетность поэмы. Удачей стало перенесение истории девушки Айно и эпизодов состязания в пении

Вяйнямейнена и Йовкахайнена в начало «Калевалы». Эти эпизоды образуют драматическую завязку поэмы, закручивают пружину ее напряженности. Айно, ставшая уже в версии 1835 г. по воле Леннрота сестрою Йовкахайнена и утонувшая из-за нежелания выходить замуж за старца Вяйнямейнена, дает ее брату Йовкахайнену повод мстить Вяйнямейнену, победившему его в песенном состязании. В свою очередь невольная вина Вяйнямейнена перед юной Айно становится одной из причин, вынуждающей Вяйнямейнена в конце поэмы покинуть народ Калевалы. Во второй половине поэмы появившийся новый герой Куллерво также подталкивает развитие общего сюжета. Илмаринен, чья жена погублена Куллерво и пытавшийся выковать себе золотую деву, отправляется сватать вторую дочь Ловхи. Возникает новая коллизия. Взаимоотношения Калевалы с Похьелой обостряются. Борьба за обладание чудесным предметом сампо — это апогей конфликта. Но моменты напряжения есть и в последующих эпизодах, когда мстителем становится сама хозяйка Похьелы.

Усилению сюжета содействует появление уже в «Калевале» 1835 г. персонажа, от чьего лица ведется повествование:

Мной желанье овладело,
мне на ум явилась дума:
мысль пришла начать сказанье,
песнопением заняться.

В «Калевале» 1849 г. текст несколько изменяется:

Мной желанье овладело,
мне на ум явилась дума:
дать начало песнопенью,
повести за словом слово.

Хотя повествователь встречается в поэме не часто, его присутствие ощущается, в частности, в тех местах, где события переходят от одного героя к другому. В конце поэмы он подводит своего рода итог тому, что спел: «Я певцам лыжню оставил, путь пробил, пригнул вершину». Концовка еще раз говорит о скромности создателя «Калевалы»:

Здесь теперь прошла дорога,
новая стезя открылась
для певцов, что поспособней,
рунопевцев, что получше...

В этой считающейся окончательной версии «Калевалы» 22 795 строк, почти вдвое больше, чем в версии 1835 г. Удлинившиеся в результате новых дополнений эпизоды, однако, не кажутся длинными даже рядом с теми адекватными им эпизодами, которые внешне выглядят покороче в предыдущей версии. События изложены в новых версиях с большей художественной силой, с мастерским использованием всех приемов народной поэзии (сравнений, гипербол, параллелизмов, анафор, аллитераций).

«Калевала» в науке и критике

Выше уже говорилось о том, что много песенного материала для Элиаса Леннрота собрал Д. Эвропеус в Приладожье и в Ингерманландии. Он даже хотел, чтобы Леннрот подождал немного с изданием, поскольку готовил новые материалы. Эвропеус встретил выход нового издания «Калевалы» неожиданной для всех резкой критикой. Сразу же после публикации новой версии «Калевалы» он выступил в издаваемой им самим газете «Суометар» с такой информацией о ее публикации: «Возможно, к общей радости недоброжелателей, но к великой досаде любителей отечества выходит теперь в свет наша „Калевала“, ломая требования красоты и народности» [Euroraeus 1988: 43]. Так же, как в свое время Готтлунд, Эвропеус не мог принять эпоса, который становился произведением самого «составителя». Между тем большинство современников Э. Леннрота воспринимали «Калевалу» как народный эпос в полном смысле этого слова. То, что знали Эвропеус и Готтлунд, долгое время не открывалось любителям «Калевалы».

Только к концу XIX в. ученые заинтересовались рукописями Леннрота и его записями песен, сданными в архивы «Общества финской литературы». Занимались этим финские исследователи А. Борениус, Ю. Крон, К. Крон и А. Р. Ниemi. Ниemi строчку за строчкой сопоставил тексты первых версий «Калевалы», вплоть до «Калевалы» 1835 г., с фольклорным материалом. Сравнение показало, как сильно изменялись фрагменты и строки народных песен под рукой «составителя» «Калевалы». К. Крон на основании собственных наблюдений и наблюдений других ученых сделал вывод, который о многом говорит: «Он (Леннрот. — А. М.) поэт, чья память, мысль и воображение постоянно пребывают в движении» [Borenius, Krohn 1891: 166]. Известный финский поэт конца XIX — начала XX вв. Эйно Лейно, опиравшийся

в своем творчестве на народную поэзию, воспринял «Калевалу» «как грезу великого поэта».

Изменялось отношение к «Калевале» и в других странах. Определенную компетентность проявил итальянский ученый Доменико Компаретти, писавший в 1892 г.: «Ни одна песня не приведена Леннротом так, как она существует в одном из сохранившихся вариантов, но он составляет текст каждой песни из всех вариантов, выбирая лучшие и наиболее подходящие». Именно под влиянием Компаретти изменил свои суждения о «Калевале» русский ее переводчик Л. Бельский. По его словам: «Работа Леннрота представляет своего рода мозаику из этих записей... Леннрот сам явился таким же народным певцом (laulaaja, runoja), как и те певцы, со слов которых он записывал». Все-таки наука на этой стадии не показывала органичности работы Леннрота. Слово «мозаика» не совсем верно отражает творческий характер трудов поэта Леннрота.

В XX в. огромную работу по сопоставлению «Калевалы» и народной поэзии проделал Вяйно Кауконен. Его фундаментальные работы «Состав старой „Калевалы“», «Второе издание „Калевалы“ Элиаса Леннрота», «Леннрот и „Калевала“» и др. изменили представления о «Калевале» в Финляндии и в мире коренным образом.

Слово «составление» (kokooppa) — это свидетельство механистического подхода к творению Леннрота. Кауконен употребляет его в своих комментариях в последних работах в кавычках и показывает, как рождается нечто «третье» и по содержанию, и по стилю. Элиас Леннрот не составлял, а писал «Калевалу». Калевальское в ней как раз то, чего нет в народных песнях.

В нашей стране, где дольше, чем где-либо, сохранялись взгляды на «Калевалу» как на чисто народный эпос, лишь один ученый имел дерзость написать в 1949 г.: «Современная наука не может стоять на точке зрения отождествления „Калевалы“ и народного эпоса». Этот ученый Владимир Пропп. Народный эпос, убеждал он, — это разрозненные эпические песни, создаваемые веками, передаваемые из поколения в поколение. В единую эпопею они не складываются. В отношении карельского и финского народного эпоса это, несомненно, так и есть. О том, что сделал Леннрот, Пропп сказал прямо и точно: «Леннрот создал единственное в своем роде во всей мировой литературе произведение, в котором сочетается народная простота, искренность, правдивость повествования, изящество, легкость и грация народного стиха, значительность народных сюжетов со стройной последователь-

ностью и связью событий огромного по своему размеру, цельного литературного произведения». Поскольку данный взгляд не совпадал с официальной установкой, главным выразителем которой был политик и государственный деятель О. В. Куусинен, доклад Проппа, с которым он намеревался выступить на научной сессии в связи со столетним юбилеем эпоса «Калевала», на сессии не прозвучал. Статья Проппа «„Калевала“ в свете фольклора» была напечатана только в 1976 г. в его книге «Фольклор и действительность» [Пропп 1976].

В своем финско-шведском словаре Элиас Леннрот представлял «Калевалу» как «национальный эпос финнов». В прежней, советской Карелии на языке оригинала она вообще впервые публиковалась через сто лет после издания версии 1835 г., т. е. в 1935 г. Издание предварялось леннротовским предисловием. Никакого подзаголовка на титульном листе не было, так же, как в издании «Калевалы» 1849 г. В дальнейшем на русском языке «Калевала» печаталась в Карелии как «карело-финский народный эпос». Случалось, что имя «составителя» даже не называлось. «Собрал и обработал» – привычная аттестация леннротовской работы. При издании прозаических переложений Леннрота забывали вообще. Юным читателям внушалось, что эти сказки-руны – само творчество народа. Когда переводчики «Калевалы» на русский язык (автор данной статьи и фольклорист Эйно Киуру) публиковали текст своего перевода в журнале «Север», им так и не позволили поставить имя Элиаса Леннрота над названием «Калевала». От привычных формулировок переводчики отказались. Оставалась надежда на предисловие. Его согласился написать член-корреспондент Российской академии наук К. В. Чистов. Он не только рассказал о прежних переводах, но и, определяя жанр леннротовского труда, поставил рядом слова, которые вместе почти никогда не встречались: «эпическая поэма Э. Леннрота». Перевод так называемой полной «Калевалы» увидел свет книгой в 1998 г. с именем Элиаса Леннрота на титульном листе над словом «Калевала» и с подзаголовком «эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен».

В 2006 г. в издательстве «Версо» (Петрозаводск) «Калевала» 1835 г. (переводчики те же) впервые в России была напечатана с именем автора (Элиас Леннрот) на обложке. В некоторых других странах это произошло гораздо раньше: во Франции (1930), Румынии (1959, 1968), Германии (1967), Испании (1984). Немецкий перевод, выполненный супругами Лоре и Гансом Фроммами, снабжен предисловием

и комментариями Ганса Фромма, где подробно рассказывается, как создавался литературный эпос.

К настоящему времени на русский язык переведены все пять версий «Калевалы», в том числе и сокращенная самим Леннротом версия для юношества, изданная в 1862 г., поэтому у читателей есть возможность сравнить эти версии между собой, проследить, как изменялся сюжет, как формировались персонажи и как менялся язык произведения, т. е. воочию убедиться в том, что «Калевала» родилась на письменном столе Леннрота в результате его многолетних творческих усилий. «Калевала» в конечном своем виде — лиро-эпическая поэма Леннрота. И это никак не умаляет тех великих карельских и финских рунотворцев, от которых он получил богатейший песенный материал. Подлинные народные песни XIX в. сами по себе заслуживают того, чтобы их продолжали изучать, а также издавать сегодня. Их ценность в абсолютной естественности их рождения, чем всегда восхищался создатель «Калевалы». Это просто и образно показал он в предисловии к книге «Кантелетар»: то, что у профессионалов «становится р а б о т о й», в народной поэзии «является с а м о в ы р а ж е н и е м» (так приходится переводить леннротовское слово *ilmaima*); это то, чем отличается живой голос кукушки от кукования стенных часов, ручей в природе — от выкопанной в земле канавы, лес — от парка [Lönngrot 1984: XXXI].

«Калевала» в определенном смысле — это прекрасный парк, распланированный и высаженный образованнейшим поэтом XIX в. В более узком смысле слова — это лучший памятник фольклору, но не сам фольклор. Изучать его следует как литературное произведение, корни которого уходят в народную поэзию.

Литература

Леннрот 1985 — Леннрот Э. Из предисловия Элиаса Леннрота к «Калевале» 1849 // Калевала. Петрозаводск, 1985. С. 31.

Пропп 1976 — Пропп В. С. Фольклор и действительность. М., 1976.

Borenius, Krohn 1891 — Borenius A., Krohn J. Kalevalan esityöt. Helsinki, 1891.

Ganander 1984 — Ganander C. Mythologia Fennica. Jyväskylä, 1984.

Honko 1999 — Honko L. Pitkän eepoksen laulaja // Kalevala 1835. Pieksämäki, 1994.

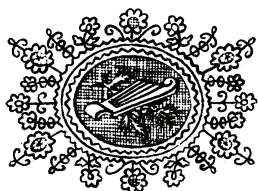
Europaeus 1988 — Europaeus D. E. D. Suurmies vai kummajainen. Helsinki, 1988.

Kaukonen 1979 — Kaukonen V. Lönnrot ja Kalevala. Pieksämäki, 1979.

Krohn 1999 – Krohn K. Kalevalan ilmestyessä // Kalevala 1835. Pieksämäki, 1999.

Lönnrot 1984 – Elias Lönnrot. Alkulause // Kaukonen, Väinö. Elias Lönnrotin Kanteletar. Helsinki, 1984.

Lönnrot 1990 – Lönnrot E. Valitut teokset. 1. Pieksämäki, 1990.

Tuulikki Kurki
Suomi

«Taikojen Lönnrot» Heikki Meriläinen

Kirjoittavien talonpoikien toiminta Suomessa kytkeytyi omalla tavallaan, paikallisella tasolla, suomalaiskansallisen kulttuurin rakentamiseen 1800-luvun lopun Suomessa. He mm. keräsivät oman kotiseutunsa ansanperinnettä Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kansanrunousarkistoon ja kirjoittivat kansanelämää kuvaavaa kirjallisuutta. Monien suurena innoittajana ja vaikuttajana oli Elias Lönnrot ja Kalevala. Kalevalan kaltainen kulttuurinen merkkiteos on vaikuttanut kansanilmien kirjoitustoimintaan, mutta ei pelkästään ylhäältä alaspäin tulevana vaikutuksena, vaan siten, että kansanilmiöt ovat teksteissään myös luoneet jotain omintakeista ja sellaista, jota oppineiston tuottama kulttuuri tai tekstit eivät välttämättä ole tavoittaneet.

Yksi 1800-luvun lopulla, Lönnrotin ja Kalevalan innoittamana toimineista kirjoittavista talonpojista oli kainuulainen talonpoika, kansankirjailija ja perinteenkerääjän Heikki Meriläinen (1847–1939). Hän oli sekä perinteenkerääjänä että kirjailijana itseoppinut, mutta ansaitsi toimillaan lisänimen «Taikojen Lönnrot». Monien kirjoittavien talonpoikien tavoin Meriläinen oli kouluja käymätön, itseoppinut talonpoika. Hän opetteli kirjoittamaan aikuisiällä lähes 30-vuotiaana voidakseen kirjoittaa kirjeitä vaimolleen työskennellessään kiertävänä seppänä Pohjois-Suomessa. 1870-luvulla luettuaan Kalevalaa, Kanteletarta ja Aleksis Kiven teoksia hänessä heräsi halu tehdä jotakin isänmaansa ja kansansa hyväksi. Vuonna 1880 hän ryhtyi yhteistyöhön Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran (SKS) kanssa kerätäkseen kansantaikoja ja niihin liittyviä loitsuja kansanrunousarkistoon. Seuraavien 10 vuoden aikana hän teki neljä usean kuukauden mittaista keruumatkaa Vienan